

Н.И. КАРИМОВ

ПОДЪЕМ ДВИЖЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В XXI ВЕКЕ

В первом десятилетии XXI века в отечественной науке явственно обозначились тенденции к постижению фундаментальных проблем исторического развития «исламской» цивилизации. В области исламоведения она наиболее ярко проявилась в поиске новых исследовательских подходов к изучению политизированного ислама, его влияния на развитие политической ситуации в арабских государствах Ближнего Востока. Бурное развитие исламского политического процесса, который все больше приобретает протестный характер, в настоящее время вызван социальным, экономическим и идейно-политическим факторами. Небывалый по своей силе и размаху рост насилия и кровопролития, происходящий в последнее время на Ближнем Востоке, не является изолированным явлением. Это – отражение общего системного кризиса современного ближневосточного общества, характерного для нынешней эпохи – эпохи различного рода катаклизмов и катастроф, стихийных бедствий и социальных потрясений. Было бы ошибкой полагать, что эта кризисная стадия в мировом развитии и в международных отношениях порождена случайным стечением обстоятельств или событий. Скорее причины этого явления кроются, прежде всего в социально-экономических условиях, во все более увеличивающемся разрыве уровня жизни людей – а это и есть основной путь к дальнейшей радикализации общества. В арабских государствах Ближнего Востока этот процесс неизменно носит религиозную окраску.

Глобальный призыв политического ислама XXI века, который не оперирует каким-либо государством, нацией, вызывает симпатии большинства верующих в исламском мире, где уровень отчуждения властей от населения очень высок, и там где существует постоянная социальная, экономическая и политическая нестабильность. Поэтому данный процесс не только набирает силу в этих странах, но и выходит за географические границы своего распространения. Идейно-политическое возрождение ислама, затрагивает все стороны человеческой деятельности, заставляет заново переосмысливать весь накопленный исторический опыт развития исламской и общечеловеческой цивилизации, идей де-

мократии, социального равенства и политической свободы через призму исламских ценностей. Стремление же национальных «режимов» многих мусульманских стран контролировать данный процесс показывает, что ислам как система представляет серьезного конкурента, способного не только мобилизовать огромные людские ресурсы, но и представить альтернативный путь развития на основах ислама. То, что мы наблюдаем сейчас на Ближнем Востоке, является очередной переходной фазой противоборства умеренного и радикального ислама, и исход его может значительно трансформировать ситуацию с политическим исламом в регионе. «Конфликт секуляризации и клерикализации», как характеризует его А.Игнатенко, является элементом противоборства различных исламских группировок умеренного и радикального толка. Важно также отметить, что религия в ее разных формах никогда и никуда не уходила из региона, всегда являясь важным фактором общественной, культурной и политической жизни ближне- и средневосточных обществ [7, с. 1]. Как отмечает известный российский политолог А.Уткин, современный подъем ислама осуществил новый средний класс, возникший совсем недавно, в 70-е гг. Знаменем этого подъема стало новое «требование религии»: работа, порядок, дисциплина. К началу XXI века любая из стран, где преобладает ислам, становится уже другой (политически, в культурном отношении), более исламской, с радикализированной молодежью и интеллигенцией [12, с. 293]. Ислам предоставил достойную идентичность лишенным корней массам» [14, р. 35]. Миллионы вчерашних крестьян, утроивших население гигантских городов исламского мира, стали его ударной силой. Ислам стал функциональной заменой демократической оппозиции и знаменем социальной мобилизации. Основой самоутверждения исламизма стало осуществленное во второй половине XX в. практически полное признание в мусульманском мире идей материального развития Запада (и американских достижений как наиболее впечатляющих) при одновременном отрицании западных социальных ценностей и западных постулатов, эталонных показателей США, американских рекомендаций относительно наи-

более релевантного общественного устройства [12, с. 293]. И действительно, ближневосточная секуляризация не имеет ничего общего с демократией, ведь в процессе ее осуществления, местами идет жесткое подавление исламской оппозиции, когда государство, не сумев договориться с ней, начинает задействовать мощный репрессивный аппарат спецслужб и армии. Как считает российский политолог И. Спивак – «Арабский путь» породил диктатуру, взрастившую терроризм, как негармоничное отношение между государственной властью и обществом [11, с. 2]. Феномен данного явления на Ближнем Востоке заключается в том, что здесь секуляризация не подразумевает полного отделения религии от государства – мы наблюдаем стремление властей перевести радикальный ислам в более умеренную плоскость, сделать его менее агрессивным. На практике же каждое ближневосточное государство обрело свой опыт, выработав специфические методы и политические приемы в процессе длительного взаимодействия с радикальным исламом на своей территории. Результаты данного взаимодействия показали, что отношения по вектору умеренный-радикальный ислам являются чрезвычайно нежной субстанцией, любой неверный шаг способен взорвать ситуацию изнутри и вызвать новую эскалацию насилия в регионе.

История взаимоотношений власти и общества в лице исламских организаций в современных государствах Арабского Востока носила неоднозначный и не всегда ровный характер. Общий вектор развития этих отношений, а также алгоритм взаимодействия правящих режимов с движениями политического ислама определялись совокупностью политических, экономических, социально-культурных и исторических факторов. В настоящее время на Арабском Востоке наблюдается подъем движений политического ислама, который происходит на фоне обострения внутренних социально-экономических и политических разногласий и нерешенности проблемы арабо-израильского конфликта. В этих условиях власти арабских государств в процессе взаимодействия с действующими в их странах радикальными исламскими движениями и организациями сталкиваются с рядом непростых вопросов, решение которых потребует немало времени и выработки новых подходов [3, с. 1]. Сегодня в таких крупных и влиятельных государствах Арабского Востока, как Сирия и Египет, власть и общество фактически признали наличие в их странах движений политического ислама и пытаются

адаптировать их к действующей государственной системе преимущественно в социальной и интеллектуальной сфере. Тем более, что в отличие от 1940–1950-х гг. в Египте и 1970–1980-х гг. в Сирии «Братья-мусульмане» в основном отказались от активной вооруженной борьбы с режимом, породившим насилие в обществе, и создали ряд группировок умеренного характера типа «Васатыйя» в Египте. Данное обстоятельство заставляет предположить, что в движении происходят перемены. Достигнутый властями Сирии и Египта в 90-х гг. XX в. политический компромисс с радикальными исламскими движениями позволил восстановить порядок в стране и начать развивать индустрию туризма. Одновременно в общественном сознании многих граждан арабских стран укрепляется мнение, что представители оппозиционных исламских движений должны быть интегрированы в новую либеральную политическую систему, чья политическая культура отличалась бы более светским характером. В свою очередь, это предполагает предоставление исламским группировкам больших возможностей для свободного выражения своих политических взглядов и идей, их участие в рамках действующей политической системы в процессе ее реформирования. Одновременно в социально-экономической области должны начаться реформы структурного характера, которые позволили бы интегрировать группы общества с низкими и средними доходами в политическое пространство этих государств. Ведь именно эти слои среднего класса и малоимущих групп населения, прежде всего, поддерживают движения политического ислама.

На практике же, далеко не всегда правящая «умеренная» элита, может найти общий язык с радикальной исламской оппозицией, и тогда в ход идут силовые методы подавления любых вызовов легитимности существующей власти. Сегодня, в условиях «вакуума авторитаризма» создается реальная опасность подрыва существующего военно-политического баланса в регионе. В последней четверти XX – начале XXI вв. армия неоднократно вмешивалась в политическую жизнь ближневосточных государств. И сегодня в общественном сознании большинства стран Ближнего Востока армия воспринимается как главный гарант суверенитета и безопасности страны. При этом внутривластная роль армии в различных ближневосточных государствах неодинакова и определяется в первую очередь характером политического режима в той или иной

стране. Сегодня армия выступает в качестве главного гаранта стабильности режима и его охраны от внутренних врагов и оппозиции. Военные, как правило, никогда не разделяли воззрений радикального ислама. В какой-то степени это объяснялось тем, что еще в 1950–1960-х гг. революционное офицерство в арабских странах было более восприимчиво к светским теориям. По сравнению с другими слоями населения офицеры были лучше образованы, чаще выезжали за границу и поэтому имели больше возможностей познакомиться с идеями социализма и социал-демократии и их носителями. К тому же проводившиеся в большинстве арабских армий периодические кадровые чистки существенно снижали в офицерском корпусе число приверженцев радикального ислама и заставляли их искать работу в другом месте. Все армии региона, за исключением Ирана, пытались не допустить исламистов в офицерский корпус [2, с. 2]. Ошибки в данном случае могли стоить дорого, как, например, в случае с египетским президентом А. Садатом, который был убит в 1981 г. малочисленной группой исламистов в армии в ходе военного парада. В то же время армия не всегда выступала на стороне светского начала в политике. К примеру, в соседствующем Пакистане вооруженные силы превратились в один из основных проводников «исламизации» общества во времена правления Зия уль-Хака и во многом формировались исходя из религиозной убежденности новобранцев. Характерно, что единственной партией, которой власти разрешили создать свои ячейки в армии, была «Джамаат-и ислами». Однако такие страны, как Пакистан и Иран, представляют собой, скорее, исключение. В то же время по соображениям политического порядка армия нередко допускала ограниченную активность умеренных исламистов, использовала их в своих интересах, сохраняя при этом полный контроль над их деятельностью.

Но в последнее время все настойчивее становятся требования представителей радикального, политического ислама легализовать и расширить свое участие в политической жизни арабских стран. На разных полюсах арабского общества реформаторское движение в исламе и его лозунги вызывают серьезные сомнения в их искренности и подозрения в истинности дальнейших намерений исламистов и их последующих шагов в случае прихода к власти [2, с. 2]. Неслучайно в последние месяцы в «светской» Турции усилились дискуссии о роли армии, взаимоотношении

гражданских и военных властей. В течение нескольких предыдущих десятилетий, особенно в последние годы, левые силы Турции явно проигрывают на политической арене представителям политического ислама и не видят иной возможности сохраниться во власти и укрепить там свои позиции иначе как при опоре на армию. Светский характер турецких вооруженных сил всегда рассматривался как одно из важных завоеваний республиканского строя. Защищая светскую идеологию кемализма, военные оказались настолько решительны и непримиримы в «исламистском вопросе», что смогли заставить премьер-министра Н. Эрбакана, лидера исламистской партии, изгнать своих сторонников из армии. Турецкие военные внимательно следили за попытками Партии национального порядка (нынешней «Рефах». — В.А.) Н. Эрбакана установить в стране шариатское правление. «Рефах» трижды запрещалась военными или под их давлением (в 1971, 1980 и 1998 гг.), но снова возрождалась под другими именами. Одновременно армия боролась против исламистов в собственных рядах. Однако после победы на парламентских выборах в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР), чья идеология во многом базируется на принципах ислама, и прихода к власти премьер-министра Р.Т. Эрдогана ситуация стала постепенно меняться. Он сумел существенно ослабить влияние военных на политику страны, что вызывает сегодня серьезную обеспокоенность турецкого генералитета [2, с. 3].

В Ираке со сменой режима несколько не изменилась его приверженность силовым методам подавления исламской оппозиции. Как и при бывшем диктаторе Саддаме Хусейне, Ирак сегодня пытается строить свою государственность по светскому образцу, разница лишь в том, что после прихода американцев исламисты «расправили крылья» и ведут ожесточенную вооруженную борьбу, чего не наблюдалось во времена правления Хусейна. Во многом это объясняется тем, что радикалисты апеллируют к естественному чувству человеческой справедливости, объявив великий джихад и позиционируя себя в качестве борцов за свободу всех мусульман. Как высказался однажды шиитский лидер исламских радикалов в Ираке Муктада Ас-Садр – «иракский народ встал на священный путь борьбы против неверных, наступающих на нас войной. И выбор наш небольшой – либо победить, либо умереть» [10, с. 2]. В первые годы американской операции Ирак стал рассадником радикалистов и эк-

стремистов всех мастей, дав пристанище на своей территории большому количеству террористических организаций, наиболее известной из которых была «Аль-Каида». Выбранное путем всеобщего голосования новое иракское правительство столкнулось с тяжелейшими политическими проблемами внутреннего характера, решение которых в одиночку выглядело нереалистичным. Главной из них было усмирение исламистов, вставших на путь вооруженного противостояния с правящим режимом. И здесь как нельзя кстати пришла помощь из-за океана. Как отмечал впоследствии президент США Джордж Буш – осуществленное Штатами увеличение численности своих войск открыло возможность для крупной стратегической победы в более широкой войне с террором [9]. В этих условиях главной задачей новоизбранной власти являлось коренное улучшение экономической ситуации в стране и выработка сколь-нибудь внятной социальной политики с тем, чтобы основная масса населения не приняла сторону радикалистов. И время обозначило значительные успехи новой иракской власти на этом направлении. Главные задачи построения «демократии» в Ираке заключались в создании более привлекательной альтернативы для людей, их приобщения к западным ценностям, гарантии их прав и свобод. Как справедливо отмечает американский политолог Фрэнсис Фукуяма – «В современном обществе не существует иных альтернатив, кроме рыночной экономики и демократической политической системы. Радикальный ислам не представляет высокоуважаемую и привлекательную цивилизацию, в рамках которой хотели бы жить люди, привыкшие к современным развитым обществам. Никто не хотел бы жить в Афганистане, находящемся под управлением талибов, или в Саудовской Аравии» [13, с. 1]. Именно рывок в этом направлении сумел вырвать народ из лона радикального ислама, а заодно обеспечить успех власти в противостоянии с ним. Показательны в этой связи уверенность новоизбранного иракского президента Джалала Талабани заявившего недавно, что тот путь, на который страна встала пять лет назад, приведет ее к национальному единству [6].

Не менее горячей точкой Ближнего Востока является регион палестино-израильского противостояния, непрекращающегося вот уже полвека. На волне народного недовольства к власти в Палестине пришло палестинское радикальное исламское движение «Хамас», признанное большинством стран как террористическое, ставящее

целью уничтожение Израиля и создание исламского теократического палестинского государства. Выбившая светский «Фатх» со всех ключевых позиций эта организация набирает небывалую мощь. Основанная в 1987 году шейхом Ахмедом Ясином как часть организации «Братья-мусульмане», «Хамас» провозгласила своей главной задачей создание независимого исламского Палестинского государства «от Иордана до Средиземного моря», то есть на территории, ныне включающей сектор Газа, Западный берег реки Иордан и государство Израиль. Частично популярность организации «Хамас» среди палестинцев объясняется созданной ею системой социального обслуживания на территории Палестинской автономии. В мире, однако, «Хамас» более известна своим боевым крылом. С начала второй интифады «Хамас» организовала сотни терактов и тысячи предотвращенных попыток терактов, включающих в себя главным образом теракты-самоубийства в местах скопления мирного населения, а также обстрел израильских дорог и городов ракетами «Кассам» и легким стрелковым оружием. «Хамас» объявлена террористической организацией в Израиле, Евросоюзе и США, а также запрещена в Иордании. Хартия «Хамас», принятая в августе 1988 года, призывает к уничтожению государства Израиль и светского палестинского государства и провозглашению на их территории исламской республики. На Парламентских выборах 2006 года радикальный «Хамас» одержал сокрушительную победу над правящим светским «Фатхом», получив 74 мандата в 132-местном парламенте, умеренный ФАТХ удержал лишь 45. Не дожидаясь оглашения результатов выборов, экстремистские сторонники «Хамас» в Рамалле, на Западном берегу реки Иордан, выгнали из здания парламента сторонников «Фатха» и водрузили над ним зеленое исламское знамя. Утром 26 января 2006 года, не дожидаясь оглашения официальных итогов, палестинское правительство, представляющее «Фатх», подало в отставку [15]. Основной причиной прихода к власти исламистов, стала радикализация самого палестинского общества, вызванная усугублением его материального положения и бездействием существующей власти. Как отмечает в своей работе израильский аналитик Ф. Захария – «Правители на арабском Ближнем Востоке деспотичны, коррумпированы и жестоки, тем не менее они более либеральны, терпимы и склонны к плюрализму, чем те, кто может прийти им на смену» [5, с. 1]. Самый умелый оратор Саудовской мо-

нархии принц Бандар бен Султан часто напоминает официальным лицам США, что если они станут сильно давить на его правительство, вероятной альтернативой существующему режиму станет не демократия, а «теократия в духе талибана» [5, с. 2]. Приход к власти в Палестинской Автономии радикальных исламистов еще больше обострил и без того напряженную ситуацию в регионе, продемонстрировав на деле внутренний потенциал и реальную силу радикального ислама.

В Египте главной задачей для исламистских группировок, начиная с 1990-х годов, являлось проникновение в армию. Частично этому способствовал тот факт, что правительство в этот период стало проводить политику «исламизации сверху», пытаясь вывести за рамки политического процесса радикальных исламистов и одновременно взять под контроль деятельных умеренных представителей исламского движения. В глазах правительства тактика сближения с «братьями» была оправдана стремлением властей удерживать настроения египетской «улицы» в определенных рамках. Это было особенно важно в условиях растущего социального напряжения, вызванного войной в Ираке и нерешенностью палестинской проблемы. В то же время все попытки лидеров организации добиться легализации наталкивались на неизменный отказ властей. В январе 2004 г. к руководству организацией пришел М. Акеф. Он считался одним из наименее консервативных лидеров организации. Многие его высказывания и действия наглядно свидетельствовали о его «реформаторской ориентации». Сразу же после своего избрания М. Акеф взял курс на сближение с правительством. Развитие политических процессов в Египте и регионе в целом повлияло на изменение взаимоотношений в треугольнике: власть – исламисты – армия. Значительный успех представителей «братьев-мусульман» на парламентских выборах в ноябре–декабре 2005 г. открыл перед исламистами новые возможности для участия в управлении государством. В случае легализации «братьев» они смогут реально влиять на изменение законодательства и выдвигать своего кандидата на будущих президентских выборах. Это существенным образом может изменить военно-политический баланс, особенно в условиях обострения вопроса о смене и преемственности власти [3, с. 2].

Несколько иначе складываются отношения власти и исламистов в Йемене. Военно-политическое руководство Йеменской Республики рас-

сматривает вооруженные силы в качестве основной опоры в деле защиты национальных интересов и территориальной целостности страны, важного инструмента для проведения внешнеполитической деятельности и обеспечения внутренней стабильности. При этом особое значение правительство республики придает участию армии в борьбе с вооруженными формированиями исламских экстремистов и международных террористов [8, с. 1]. Ставший президентом ЙАР в 1979 г. подполковник Али Абдалла Салех, в очередной раз переизбранный на данный пост еще на пять лет в сентябре текущего года, значительно укрепил национальные вооруженные силы, которые постепенно превратились в основную опору власти. После победы над левыми не без поддержки исламистской организации фундаменталистского толка «Исламский фронт», многие представители которой вошли во вновь сформированные органы законодательной и исполнительной власти, военные оказались в ситуации, когда они и в дальнейшем были вынуждены предоставлять исламистам широкое поле для их политической деятельности. Предпринимая определенные шаги в отношении многих исламистов, президент А. Салех, тем не менее, не торопится ставить точку в этом вопросе, избегая конфликта с влиятельными покровителями исламистских групп из числа вождей племен. Исключением стали решительные и жесткие действия властей после атаки террористов американского эсминца в Адене в октябре 2000 г. После этого инцидента министерство вакуфов стало назначать проповедников в мечетях, стремясь ограничить агитацию радикальных исламистов. Тем более что наиболее активные политические силы общества – племена и армия — заинтересованы в привлечении умеренных исламистов на свою сторону как фактора, стабилизирующего политическую ситуацию и способного на определенном этапе сыграть позитивную роль в мобилизации масс на преодоление отсталости.

В Сирии приход к власти в САР нового президента Башара Асада внес определенные коррективы в отношении нового политического руководства САР с политическим исламом. Б. Асад отменил изданный в 1983 г. указ, запрещающий ученицам и студенткам надевать хиджаб. В 2003 г. был издан указ, согласно которому военнослужащим срочной службы разрешалось молиться в военных лагерях. Данный шаг противоречил всей прежней практике властей, которые стремились искоренить в армейской среде любые

проявления религии. Хафез Асад никогда не ассоциировался в армии с религией. Отношение к исламу в армии ограничивалось присутствием в Омеядской мечети по праздникам ряда крупных сирийских военачальников вместе с президентом. Но в новом веке процесс роста политического ислама в САР ставил перед сирийским руководством вопрос о неизбежности допуска представителей исламского движения к участию в государственных делах. В последнее время ряд высокопоставленных партийных функционеров стали считать, что «бааистам» необходимо сблизиться с исламским движением для того, чтобы таким образом повысить свою популярность среди широких слоев сирийского населения, прежде всего молодежи. Очевидность этого в полной мере было продемонстрировано в 2004–2006 гг. в ходе многочисленных столкновений сирийских органов безопасности с организациями воинствующего ислама типа «Джунуд Аш-Шам» [3, с. 2].

В целом, подводя итог, нельзя не отметить новый подъем движений радикального ислама на Ближнем Востоке в начале XXI века. Эти движения рвутся на смену «умеренным» режимам, существующим ныне в большинстве государств региона. То, что данная тенденция имеет место, во многом обусловлено вмешательством западных государств во внутренние дела стран региона, что не может не радикализовать мусульманские общества внутри них. Американское вторжение в Ирак, размещение американских войск на «священной» земле Саудовской Аравии, палестино-израильский конфликт значительно усложняют жизнь «умеренным» арабским режимам, ведь теперь в глазах большинства мусульман они выглядят «продажными» Западу. К примеру, Хосни Мубарак и Башар Асад в своих публичных выступлениях постоянно напоминают об угрозе внутреннего терроризма. Поэтому и в Сирии и в Египте продолжает действовать закон о чрезвычайном положении, расширяющий права местных спецслужб, одновременно выводя их из-под контроля общества, а в ряде случаев и государства. В законодательстве двух стран действует запрет на создание партий по религиозному признаку. Руководители Сирии и Египта справедливо опасаются, что если «Братьям-мусульманам» разрешить образовать свою политическую партию, они быстро смогут заручиться значительно большей поддержкой народа, чем светские оппозиционные партии и движения. Экстремисты, все же отчасти побочный продукт отказа правительства допустить их к участию в системе демократиза-

ции общественной жизни. Это происходит во многом из-за распространенного мнения о том, что демократия в исламе имеет потолок, которым служит шариат. Однако надо признать, что одной из важнейших причин усиления социально-политической и идеологической роли ислама было обострение демографической ситуации, рост городского населения и его обнищание, а также бурное проникновение европейской культуры, наряду с социально-экономическими реформами. Традиционные исламские общества начали деформироваться, появились новые нетрадиционные структуры. Быстрый слом и резкая модернизация неизбежно вызывают социальные и политические конфликты. Современный подъем исламизма – это не только форма социального антизападного протеста, но и попытка мусульманского общества отстоять свою самобытность. «Подобное цивилизационное изменение исламского движения, – отмечает российский политолог С.Э. Бабкин, – определяет его значительную устойчивость в долгосрочной перспективе» [4, с. 12]. Радикальный ислам не тождественен исламу, также как, к примеру, нельзя сравнивать салафизм с суфизмом. Это одно из его течений, которое ставит своей целью укрепить веру в фундаментальные источники этой религии, привести нормы общественной и личной жизни в соответствие с заповедями ислама, выполнять все предписания Корана и шариата, утверждать основы исламской экономики. Для крайних, экстремистских течений характерны резко агрессивное неприятие европейско-христианских духовных ценностей, повышенная политическая активность, готовность прибегнуть к насильственным методам, включая террористические. Заслуживает внимания выступление члена Государственного Совета Королевства Саудовской Аравии доктора Абдалла бен Салеха аль-Обейда в Институте Африки РАН в сентябре 2003 г. на тему: «Терроризм. Его опасность и борьба с ним». Он подчеркнул, что «Терроризм стал одной из отличительных черт нашей эпохи, настоящей угрозой для будущего человечества, разрушительной силой религиозных, духовных, гуманитарных и интеллектуальных ценностей, общественных институтов, целых государств. Терроризм стал средством внедрения «закона силы вместо силы закона». В рамках терроризма переплелись правительственные, народные, религиозные, атеистические, освободительные и анархические силы, моральные ценности, финансовые интересы, переманивание симпатий и пре-

вратное истолкование текстов Священного Корана. Если же часть мусульман и была использована в результате политических, экономических, социальных или психологических условий своей жизни, то основной груз ответственности за это лежит на тех, кто вовлек их в это, соблазнил деньгами, снабдил оружием и техническими средствами, кто совратил их и сбил с праведного исламского пути. Что же касается тех, кто из числа мусульман совершал подобные деяния, то эти люди, без всякого сомнения, являются порождением известных идей. Они получили оружие из рук определенной группы коммерсантов и были задействованы для реализации целей преступников [1, с. 9, 14].

Известный американский политолог Дэниэл Пайпс, как-то отметил, что «радикальный ислам – это проблема, а умеренный ислам – ее решение» [14, р.35]. Сохранение нынешнего политического статус-кво для «умеренных» ближневосточных режимов, безусловно является единственно верной траекторией развития. Другое дело, что для его сохранения понадобятся усилия всего международного сообщества, ведь ни одно цивилизованное государство не желает получить на своих границах агрессивного соседа, управляемого экстремистами-радикалами. Если мы сумеем работать вместе против агрессии и варварства радикалов, то можно сказать, что всемирная цивилизация действительно существует – такая, которая стоит выше вопросов о цвете кожи, географии, о политике и религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдалла бен Салех аль-Обейд. Терроризм, его опасность и борьба с ним. М., 2003
2. Ахмедов В. Армия и политический ислам на Ближнем Востоке// <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/27-12-06b.htm>
3. Ахмедов В. «Умеренный» ислам и власть на арабском востоке: политическое взаимодействие или вооруженная конфронтация? www.centrasia.ru, 26.01.2008
4. Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000

5. Захария Ф. Демократия по Джефферсону на Ближнем Востоке исключается. www.sem40.org.

6. Зуауи Н. Вторжение США открыло для Ирака эру свободы и надежд. РИА новости, 20.03.2008

7. Игнатенко А. Расширенный Ближний Восток: не «возвращение религии», а конфликт секуляризации и клерикализации// <http://www.i-r-p.ru/page/stream-trends/index-15760.html>

8. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (17-23 марта 2008 г.1) <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/24-03-08a.htm> Институт Ближнего Востока

9. Пацар Е. Иракская пятилетка. Reuters, 19.03.2008

10. Сапри А. Шиитский вопрос в Ираке. 2005

11. Спивак И. Реальна ли демократия в арабских странах Ближнего Востока?// http://www.russian-club.net/article_1386.html

12. Уткин А. Американская империя. М., 2003

13. Фукуяма Ф. Как выжить в современном мире. Washington ProFile, 2006

14. Gellner E. Up from Imperialism («New Republic», May 22, 1989

15. Pipes D. Bolstering moderate muslims. New York Sun, 17.04.2007

16. <http://ru.wikipedia.org>

Резюме

Шығыс араб мемлекеттерінде қоғам мен өкіметтің арасындағы исламдық ұйымдар арқылы қарым-қатынас біркелкі көзқарас туғызбайтын. Ал қазіргі уақытта исламның саяси дамуы ондағы ішкі әлеуметтік-экономикалық және саяси түсініспеушіліктер шешімі табылмайтын араб-израиль келіспеушіліктері осының айғағы. Осының салдарынан араб мемлекеттерінің өкіметі көптеген радикалдық ислам өкіметтерімен шешуі қиын және көп уақыт қажет ететін жаңа жүйемен келу керек сурақтарды шешуге тырысуда.

Summary

The history of interrelations among authorities and society, represented by Islamic organizations in the modern states of the Middle East always had complicated and inconsequential character. At this stage we can observe an upsurge in the movements of political Islam along with escalation of social, economic and political tensions, as well as uncertainty in Arab-Israeli conflict. In this situation the authorities of Arab states are facing number of challenges to resolve, which requires considerable amount of time and elaboration of new approaches.